
**«Предопределение»
в лермонтовском «Фаталисте»**

© Т. А. КОШЕМЧУК,
доктор филологических наук

В статье анализируется проблема предопределения, как она дана в главе «Фаталист» лермонтовского романа «Герой нашего времени». Проблема дается не в привычной дуальности веры в судьбу или неверия, но как целый спектр различных представлений о судьбе, проверяемых в лермонтовском тексте: судьба в мусульманском варианте, в христианском понимании, в простонародном представлении, в духе древних мифологических верований, с позиции здравого смысла и современного критического сознания, исходя из глубокого опыта жизни. Композиционная основа этих многообразных вариаций темы судьбы – поединок двух основных типов отношений с судьбой – в двух экспериментах, Вулича и Печорина.

Ключевые слова: фатализм, предопределение, эксперимент, судьба, грех, свобода.

The article deals with the problem of predestination in the last part of the Lermontov's novel in chapter «Fatalist». The problem is taken not in the traditional dualism of the belief in fate or negation of it, but as a spectrum of different ideas about fate: Moslem, Christian, traditional people's beliefs, blind fate of old mythology, modern critical point of view, life experience. All these variants are organized in the composition of the text round the struggle of two types of relations with the fate – in the experiments of Vulich and Pechorin.

Key words: fatalism, predestination, experiment, fate, sin, freedom.

В последней части романа «Герой нашего времени» Лермонтов обращается, как многократно об этом писалось, к мировоззренческим основаниям печоринской психологии, что и станет далее магистральным путем русской классической литературы – к Достоевскому, к духовной доминанте персонологии, к осмыслению органического единства, характерного для русской души: обретенная и понятая истина становится жизнетворческой, не замыкается лишь в сфере теоретического интереса, но определяет судьбу. Лермонтовский герой – первый в череде персонажей XIX столетия, которые стремятся, словами Достоевского, *мысль разрешить*. Печорин обращен не к чему иному, как к проблеме предопределения, – и для русской духовной ситуации характерна эта первая теоретическая задача, поставленная перед собой героем, взявшимся философствовать. И вот он утверждает двоякое: *нет предопределения – я ему твердо верил*.

Проблема поставлена Лермонтовым в его 25 лет, накануне смерти в 26 лет – зрелым мыслителем, хотя и в художественном контексте. В высшей степени значим способ рассмотрения: ключевая тема дана не столько в растяжке приведенных полярностей (верю или не верю в предопределение), сколько в ряде различных вариаций, и выстраиваются они отнюдь не в дилемму, которая бросается в глаза, но в круг многообразных версий. Их множественность дается уже в именовании: *фатализм, судьба, предопределение*. (Из них в предыдущих главах романа упоминается только самое общее – «судьба».) Поэтому отстаиваемые филологами точки зрения, которые легко систематизировать через «да» и «нет»: верит или не верит Печорин (Лермонтов) в фатализм – не охватывают проблемы (лермонтовские слова о pro и contra в начале новеллы относятся лишь к рассказанным участниками спора историям). Прежде чем ставить вопрос, верит ли в фатализм герой или Автор, – нужно выяснить, в какой именно фатализм, что понимается под этим словом.

Привожу прежде важнейшие из традиционно полярных решений темы. Соловьев В.С. в статье «Лермонтов» говорит о вере Лермонтова в фатализм, об «убеждении в истине фатализма», хотя и неполном [1. С. 346]. Д.С. Мережковский в эссе «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»

утверждает, что у Лермонтова «...поразительно сильно чувство вечной необходимости, чувство рока – “фатализм”» [С. 336] из-за памяти о прошлой вечности, в которой коренятся причины настоящего. Ряд мнений высказан в 60-е годы XX века: так, Г.А. Мейер в статье «Фаталист» связывает предрасположенность героя к фатализму с русскими предчувствиями апокалипсической катастрофы [С. 884–900]; И.И. Виноградов в исследовании «Философский роман Лермонтова» обосновывает печоринский скепсис и неверие [С. 641–654]. Д.С. Максимов замечает, что Печорин «вплотную приблизился к фатализму», но «не сползает в него, не сливается с Вуличем, в котором следует видеть воплощение фаталистических потенций главного героя» [С. 693]. Далее В.И. Левин в полемике со сторонниками нерешенности вопроса о фатализме (Е. Михайлов, Б. Эйхенбаум, А. Титов) доказывает тезис: Печорин не верит в фатализм [2]. В 1985 году Ю.М. Лотман в статье «Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова» обобщает мнения своих предшественников и отмечает неоднозначность печоринского отношения к фатализму, столкновение в его высказываниях «да» и «нет» [Там же. С. 811–815].

Для лермонтовской мысли значим целый круг версий. Печорин вместе с Автором взвешивают и испытывают различные грани фатализма. Герой новеллы при этом представлен не отвлеченным мыслителем; собственно, его философская выучка остается за кадром (какое-никакое наличие ее дано в факте отрицания *метафизических прений*), но он уже и сразу экспериментатор в области мысли, готовый на рискованнейшие проверки мысли, себя в мысли, – и другого: он поддерживает Вулича в его экзистенциальном опыте. Но вряд ли правомерно называть Печорина провокатором в этом мировоззренческом эксперименте, ценой которого может стать жизнь, ведь Вулич уже произнес решающие слова: «– Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе...». Решение уже принято, и отказ, даже как ответ на уговоры окружающих, был бы постыден для Вулича, то есть невозможен. Печорин лишь заостряет необратимость этого шага своей насмешкой и нарочитым скепсисом: «– Предлагаю пари! – сказал я шутя...». И далее Печорин продолжает свою пренебрежительно-насмешливую игру: «Мне надоела эта длинная церемония. – Послушайте, – сказал я, – или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдете спать».

Заслуживает ли Печорин морального осуждения? Со стороны критиков он его получил в полной мере. Он ведь не отговаривает человека от смертельного риска, а подталкивает к нему. Но дело не в этом. Печорин включается в происходящее не всерьез и лишь из любопытства, утверждая ради спора, что *предопределения не существует*. Проверяется позиция, значимая для другого, ценой жизни этого другого: «...может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас

заранее назначена роковая минута...». Ощущение нравственной недоброкачественности ситуации связано именно с этим, с исходным неравенством игроков. Осуждение со стороны присутствующих, безмянных носителей обыденного сознания или «простого», народного сознания (в новелле почти неразличимы «народное» и «обыденное») не затрагивает сути дела, апеллируя лишь к ощущению печоринской «негуманности». В действительности все хуже: здесь удовлетворение своего любопытства к судьбе ценой смертельного риска другого. Так можно было бы сказать, если бы не дальнейшее. Равенство в игре и в цене ее восстанавливается Печориным во втором сюжете этой истории, когда на кону стоит уже его собственная, печоринская, жизнь – во втором испытании. Нравственный баланс восстановлен – к чести Печорина. И победа на стороне Печорина. Именно в этом заключается смысл второго сюжета новеллы и всей концовки романа Лермонтова.

Итак, вопрос Вулича к жизни и судьбе: «...может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута...» – поставлен как жесткая, простая и, в общем, искусственная дилемма: возможность самовольного ухода из жизни или предопределенность смерти, назначенность ее на определенный временной момент. Из всех возможных представлений о предопределении выбрано однозначно-прямолинейное: оно есть жесткая заданность событий жизни, сценарий с точностью до минут изначально написан на небесах и не допускает личной свободы. Вулич, фаталист, берется доказать, что своеволие в смерти невозможно (а значит, и в иных событиях жизни). Какова логика эксперимента? Вулич снимает со стены один из пистолетов, случайно попавший под руку, причем он висит в головах, значит, по логике присутствующих, точно заряжен, – и стреляет себе в висок. Если он убивает себя, то это может означать все что угодно, например, в фаталистическом варианте: предопределение, назначившее ему именно эту минуту для смерти, вложило в его сознание желание подобного эксперимента, который по воле судьбы и осуществлен к торжеству ее.

Вот пример подобного хода судьбы, направляющей человека к заранее определенному пункту, в ветхозаветном варианте фатализма, данном М. Волошиным в сонете «Ангел смерти»: от взгляда Азраила герой стихотворения пугается и просит Соломона спасти его от смерти и отправить в Индию. «Ему / Заглянул в глаза я потому, – / Азраил сказал, – что шел за ним в Индию, а не в Ерусалим». Нечто подобное было бы в случае смерти Вулича. Судьба назначила время и место смерти, Азраил исполняет, поправляя случайное несоответствие жизни, – и предрешенное осуществляется самой жертвой через попытку спасения бегством, из страха смерти, ведь ангел заглянул в глаза, подталкивая к запланированному сценарию. Жертва бежит как раз туда, где ее ждет охотник. Или трактовка ситуации в скептическом варианте: предопре-

деления нет, а Вулич просто снял пистолет и убил себя по естественной логике жизни (словами Печорина: *застрелитесь или пойдёте спать*), ведь здесь ангел за кадром – а в видимости человек сам осуществил свою пришедшую на ум волю.

Оснований для выбора между двумя интерпретациями у свидетелей эксперимента при смертельном исходе не было бы. Судьба не допускает подобной тривиальности для своего адепта: просто застрелиться на глазах у всех в нагнетенной атмосфере, которой пристало только особенное разрешение. Исход иной, и действительно впечатляющий: Вулич спускает курок – выстрела не последовало. Вулич остался в живых – вопреки нормальному, обычному жизненному развороту событий (печоринское *застрелитесь*). Значит, провидение вмешалось в этот нормальный ход жизни, отменило его, не допустило преждевременной и своевольной развязки. Ангел смерти предупредил о близости роковой минуты, но не хотел, однако, для Вулича самоубийства. И эксперимент стал острой реакцией, не попыткой спасения, бегством прочь, в Индию, а стремительным и, кажется, сознательным ходом навстречу этому ангельскому взгляду: если это неизбежность, то... проверим, так ли это, – или, быть может, показалось... осечка! Облегчение! Проверка удалась. Ангел смерти, кажется, отступил. Но облегчение срывается неуместными тревожащими словами Печорина, который тоже почувствовал явление ангела: отпечаток на лице Вулича сказал ему именно об этом.

В напряженности момента доказательство предопределения, не допустившего своевольной смерти, кажется Печорину *разительным*. На вопрос: « – А что? вы начали верить предопределению?» – он признается: «Верю; только...». Остается лишь одно недоумение. Но об этом чуть позже.

Литература

1. Лермонтов М.Ю.: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2002. Далее указ. только стр.
2. Левин В.И. «Фаталист». Эпилог или приложение? // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. СПб., 2014. Т. 2. С. 754–765.

Окончание следует

*Санкт-Петербургский
государственный университет*